

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета, доктора исторических наук, доцента ФРАНЦУЗОВА Сергея Алексеевича на диссертацию ЯМПОЛЬСКОЙ Софии Борисовны на тему «Особенности развития европейского иврита в XIX – начале XX в.: лексические заимствования и система обращений», представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.22 «Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки,aborigenov Америки и Австралии (иврит)»

В последнее время очень много говорят и пишут о сохранении традиций и поддержании научных школ и направлений в гуманитарных науках вообще и в востоковедении в частности, упуская при этом из виду, что суть подлинной науки (того, что по-английски называют science, а не scholarship) состоит в ломке старых, отживших свой век представлений, в сокрушении авторитетов, в конструировании новых исследовательских парадигм, впрочем, столь же преходящих, как и прежние, ибо «достойно гибели все то, что существует» (*Гете*. Фауст).

Автору этого отзыва в процессе знакомства с работой, которая, следует отметить, оказалась весьма увлекательной, самому пришлось расстаться с целым рядом стереотипов, сложившихся еще в студенческие годы, когда он дерзнул приняться за изучение *לשון הקודש* Священного языка, на котором, по убеждению многих теологов разных исповеданий, Господь впервые заговорил с человечеством.

Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что диссидентант с блеском справилась со своей основной задачей, состоявшей в «ревизии догм» (с. 162). Работа во всех отношениях получилась новаторской, будоражащей воображение, подчас вызывающей желание вступить в полемику. Уже на первой странице Введения (с. 4) Софья Борисовна Ямпольская лаконично и

убедительно обосновывает целесообразность использования понятия «европейский иврит», вынесенного в заглавие диссертации, в сравнении с термином «ашкеназский иврит». Среди прочих формальных пунктов Введения стоит обратить внимание на четко обозначенные хронологические рамки исследования как «эпоху наибольшей активности европейского иврита» (с. 9), конец которой положило его полное исчезновение (точнее, искоренение) на территории СССР в первой половине 20-х гг. прошлого века.

Структура работы в значительной мере обусловлена ее заглавием. В главе 1 «Постановка проблемы: общие сведения по истории иврита XIX–XX вв.; теоретические аспекты изучения развития иврита – оппозиция живого vs. мертвого языка» (с. 16–77) наиболее отчетливо выражен социолингвистический характер диссертационного исследования. Уже в самом ее начале иврит рассматривается в тесной взаимосвязи с историей общественной мысли европейских (в первую очередь, восточноевропейских) евреев: диссертант с полным на то основанием констатирует, что три движения, а именно Хаскала (Еврейское Просвещение), хасидизм и сионизм, «дали мощный толчок развитию европейской культуры в России... на трех языках – иврите, идише и русском» (с. 17). Образование, литература и периодика на иврите в Российской империи в конце XIX – начале XX в. обрисованы с достаточной для поставленных в исследовании задач полнотой (с. 18–22). Ключевой для главы 1 и для диссертации в целом стала выдвинутая соискательницей концепция диглоссии иврита и идиша (по типу классического арабского и арабских диалектов, кафаревусы и димотики) и ее интенсивного размывания на рубеже веков, формальным отправным пунктом которой можно считать (с известной условностью) Черновицкую конференцию 1908 г., которая не решила да и не могла решить судьбу иврита и идиша, зато четко обозначила противостояние «гебраистов» и «идишистов» среди европейской интеллигенции. В этой связи

необходимо отметить, что автор диссертационной работы прекрасно владеет не только ивритом, но и идишем. Такое сочетание, редко встречающееся в наши дни среди лингвистов, во многом определило новаторский характер исследования С.Б. Ямпольской. Ей прекрасно удалось показать, что европейский иврит оказался фактически запрещен как язык религиозный, неразрывно связанный с буржуазным национализмом на территории Советской России, а позднее – СССР, по инициативе евреев-большевиков, чей «идишизм» «на поверку обернулся ассимилиционизмом» (с. 38). Драматическая история театра Габима, ярким метеором ворвавшегося в русскую культуру позднего серебряного века летом 1917 г. и отправившегося в бессрочные зарубежные гастроли в январе 1926 г. (с. 41–45), поставило точку в развитии иврита в стране Советов. Сохранившиеся в ряде государств Восточной и Центральной Европы очаги преподавания и бытования этого языка не пережили Второй мировой войны.

С материалом главы 1 тесно связан раздел 2.2 «Периодизация иврита» (с. 80–82) в следующей главе, где показана несостоятельность выделения в поздней истории иврита двух строго последовательных этапов, маскильского (со второй половины XVIII в. по начало Первой *Алии* в 1881 г.) и современного израильского (с конца XIX в. по сей день). На самом деле после 1881 г. шло синхронное развитие иврита в Восточной Европе, где был центр его языковой активности, и в Палестине, остававшейся в этом отношении периферийным регионом до начала 20-х гг. (с. 81, рис. 6).

С.Б. Ямпольская продемонстрировала в ретроспективе научную несостоятельность понятия «мертвый язык» как биологической метафоры в лингвистике (с. 46–54), а, следовательно, основанных на нем двух противоположных концепций: официального сионистского мифа о возрождении иврита Элиэзером Бен Иегудой (с. 58–61) и ревизионистских представлений о

современном иврите как якобы новом несемитском языке, не связанном с ивритом предшествующих периодов (с. 61–64).

В главе 2 «Развитие моделей адаптации лексических заимствований в европейском иврите XIX – начала XX вв.» (с. 78–122) основное внимание сосредоточено на процессе размывания диглоссии иврита и идиша, раскрытом через анализ заимствованных слов в периодике на иврите. В качестве базового материала были выбраны тексты газеты «Гоом», единственной ежедневной газеты на иврите, выходившей в 1917–1918 гг. и издававшейся при этом широкой редакционной коллегией в крупном центре европейской культуры, каковым в годы Первой мировой войны стала Москва (с. 91). Диссертант выделила главную тенденцию орфографии заимствований в «Гооме», заключавшуюся в том, что иноязычные слова с гласным исходом писались не с обозначавшим в идишской орфографической традиции гласный [e] конечным ‘айном, как это было принято в прессе на иврите в 1860–90-х гг., а с конечным *hēj*, флексией существительных женского рода в иврите (с. 103–104).

Здесь она затрагивает довольно сложную проблему сосуществования в позднем иврите двух произносительных норм: *ашкенозиса*, использовавшегося также в идише, и *сфарадита*, усвоенного с некоторыми модификациями европейской гебраистикой, начиная с И. Рейхлина (XVI в.). И как раз в этом вопросе С.Б. Ямпольская решительно разрушает устоявшийся стереотип, согласно которому ашкеназское произношение проявилось поздно и отражает фонетику индоевропейских языков, в первую очередь, немецкого, тогда как сефардское является более древним, исконно семитским и восходит едва ли не к библейским временам (с. 97–98, 101–102 и др.). Опираясь на собственный опыт, автор отзыва подтверждает, что изучение современного иврита через изданные в Израиле пособия способствует усвоению такого стереотипа. Между тем, соискательница ссылается на реконструкцию фонетической системы

библейского иврита на основе *ашкенозиса* в грамматике Овсея Штейнберга, инспектора Виленского Еврейского учительского института и прекрасного знатока библейского иврита, осуществившего в конце XIX в. комментированный перевод Торы на русский язык (с. 97, примеч. 87). Хотя эта тема и выходит формально за рамки диссертационного исследования, подобная ссылка свидетельствует о значительном семитологическом кругозоре диссертанта. В поддержку идеи О.Н. Штейнберга представляется уместным провести параллель с различиями в артикуляции между двумя основными диалектами сирийского языка: так, в западносирийском (яковитском) долгому *o* [ō] соответствует восточносирийское (несторианское) долгое *a* [ā] (сравни чтение *камеца* в *ашкенозисе* и *сфарадите*).

Вывод соискательницы о том, что в «Гооме» «иноязычные слова пишутся и читаются по особым правилам, каковые предвосхищают произносительную норму израильского иврита, еще не сложившуюся в то время» (с. 105), позволяет уточнить, как и когда новая, «сефардская», артикуляция стала утверждаться в европейском иврите.

В главе 3 «Система уважительных обращений в европейском иврите XIX–XX вв.» (с. 123–151) на многочисленных примерах подтверждено бытовое употребление европейского иврита. Акцент сделан на использовании форм 3 л. ед.ч. мужского и женского рода в уважительных обращениях и при этом убедительно доказано, благодаря компиляции И. Буксфорта (1610 г.) из трех еврейских письмовников XVI в., что это явление не могло быть заимствовано ни из польского, где оно засвидетельствовано как регулярное лишь с конца XVIII в., ни из немецкого, где такие формы появились в конце XVI в., и, следовательно, должно быть признано исконно присущим ивриту.

Заслугой соискательницы следует признать обнаружение ею в ходе опроса жителей иерусалимского квартала Меа Шеарим и города Бней Брак в Израиле,

ревниво сохраняющих религиозные традиции, бытования форм вежливого обращения в 3 л. ед.ч., всякое упоминание о которых отсутствует в грамматиках современного иврита (с 147–148, примеч. 114).

Как и любая исследовательская работа, данная диссертация не свободна от недостатков, которые, впрочем, могут быть устраниены в ходе ее дальнейшей подготовки к печати в качестве монографии, что представляется весьма желательным, и ничуть не умаляют ее очевидные достоинства, отмеченные выше.

Наиболее серьезное замечание касается ашкеназской и сефардской произносительных норм в иврите. В этой связи ссылка на работу А.Ю. Айхенвальд «Современный иврит» (М.: Изд-во «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1990. С. 21) представляется весьма уместной (с. 97). Однако в этой монографии приводится по меньшей мере, два различных варианта ашкеназской артикуляции: литовско-белорусский и украинско-польский. Какой из них лежал в основе фонетики ашкенизированного иврита? И вообще было бы правильнее, наверное, раскрыть проблему произносительных норм иврита в начальных разделах главы 1, а не оставлять ее до главы 2. Иначе возникает целый ряд вопросов, на которые работа не дает ответа. Означают ли различия в транслитерации названий пьес, исполнявшихся в театре Габима (с. 41–42) и стихотворения Ир Гаарейго «Город резни» Хайма Бялика (с. 56), писавшего исключительно на *ашкенозисе*, что эти пьесы исполнялись на *сфарадите*? Какой артикуляционной нормы придерживался Шаляпин, когда пел в Петрограде *Хатикву*, ставшую впоследствии гимном Государства Израиль (с. 66)? Какой норме обучали детей в детских садах на иврите, открывшихся в Москве и других городах в годы Первой мировой войны? И если «с отказом от ашкеназского произношения израильская культура в значительной мере уничтожила влияние европейской ивритской поэзии», в частности, творений

Х.Н. Бялика (с. 160), то почему грамматической очерк языка иврита Б.М. Гранде завершается разбором одного из стихотворений Бялика, затранскрибированного в соответствии с современным израильским произношением¹? Если на часть подобных вопросов пока не удается ответить, это нужно оговорить специально: ведь в задачи любого исследования входит определение пределов не только нашего знания, но и нашего незнания.

Ряд неточностей касается социально-политических реалий. Вряд ли уместно связывать оппозицию «гебраизма» и «идишизма» «с противопоставлением сионизма и социализма», с политической борьбой «сионизма и еврейского социализма» (с. 31), особенно если принять во внимание, что в сионизме с момента его возникновения и по сей день присутствует мощная социалистическая составляющая и что *кибуцы* остаются единственным удачным экспериментом по созданию ячеек коммунистического общества. Нужно четко провести грань между социал-сионизмом и социализмом бундовцев и большевиков, ратовавших не за эмиграцию, а за гармоничное развитие евреев в дружной семье освобожденных от гнета капитала народов.

На с. 36 упоминается постановление Наркомпроса от 30 августа 1919 г. о запрете преподавания древнееврейского языка во всех учебных заведениях (включая религиозные училища), а на с. 38 (примеч. 46) констатируется, что «никаких документов, свидетельствующих об официальном запрете иврита, не обнаружено». Как это понимать? Разве постановление Нарокомата не имело официального статуса?

На с. 37 утверждается, что уже в 20-е гг. «советская цензура (Главлит) препятствовала ввозу в СССР любой литературы на иврите» (с. 37), но

¹ См. Гранде Б.М. Введение в сравнительное изучение семитских языков. М.: Изд-во «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1972. С. 358–359.

статистические данные Ленобллита за 1925 г., приведенные в подтверждение данного тезиса, свидетельствуют об обратном. Действительно, если из 24 изданий на иврите было запрещено 22, а из 79 на идише – 68, то в процентном выражении это составит 91,7% и 86,1% соответственно. Таким образом, слегка округлив полученные результаты, приходим к выводу о том, что советская цензура пропускала лишь одно из десяти еврейских изданий вне зависимости от того, на каком языке (иврите или идише) оно было опубликовано.

Не совсем корректно утверждать, что Евсекция, расправившись с театром Габима, не встала на сторону ГОСЕТА, в котором спектакли исполнялись на идише, и в подтверждение этого приводить трагическую судьбу С. Михоэлса, злодейски убитого в 1948 г. по личному распоряжению Сталина (с. 45). Между серединой 20-х гг. и концом 40-х прошла целая эпоха, и даже в кошмарном сне товарищу Диманштейну вряд ли могли привидеться, что работавший с ним бок о бок в Наркомнаце «чудесный грузин» станет отцом государственного антисемитизма в СССР, одной из первых жертв которого пал Михоэлс. Все же следует признать, что ГОСЕТ успел пережить до этого период подлинного расцвета, благодаря чему имя Михоэлса навсегда вошло в анналы советской культуры.

С.Б. Ямпольская допустила неточности в переводе двух итальянских цитат: из Спероне Сперони делли Альваротти (1500–1588) и Бенедетто Варки (1503–1565). В первом случае итальянское *idioti* следует истолковывать не как «невежи» (с. 50, примеч. 63), а как «люди, живущие частной жизнью» в соответствии с античной семантикой понятия «идиот». Во втором “*originali o non originali; articolate o non articolate*” было бы правильнее перевести не как «оригинальные или не оригинальные; упорядоченные или не упорядоченные» (с. 51. примеч. 64), а как «изначальные или вторичные; благозвучные (букв. членораздельные) или неблагозвучные».

Прилагательное Ottoman с английского языка на русский следует переводить как «османский» (с. 80, 85), причем в первом случае обращение к английскому оригиналу (п. 245) показывает, что оборот «was a “remote Ottoman province”» точнее было бы передать как «являлась “отдаленной османской провинцией”», а не «играла роль “отдаленной провинции Оттоманской империи”» (с. 80).

На с 146 указано, что уважительные формы появляются в немецком языке только в конце XVI в, а на с. 150 – с XVII в.

В работе встречаются ненужные повторы. Наиболее вопиющий случай касается характеристики ревизионистских концепций сложения современного иврита на с. 61–62 и с. 84–85. На с. 35 подробно разъясняется, какие должности занимал ярый «идишист» С. М. Дименштейн в Наркомнаце и ВКП(б), а на с. 121 (примеч. 105) вновь сообщается, кто он такой, но при этом указывается только его партийный пост. Не лучше ли было дать ссылку на первое упоминание этого деятеля?

Не всегда точны переводы с иврита. Так, «Кол мевасер» (*קול מבשר*) означает не просто «Глас возвещающий» (с. 21, примеч. 15), а «Глас благовещающий», точнее «Благовест», а «Ха-Арец» (*חָרֵץ*) – не «Страна» (с. 30), а «Земля (Израильская)».

Пункт «Актуальность исследования» целесообразно было бы полностью раскрыть во Введении (с. 5–7), как это принято в диссертациях, а не выносить еще и в Заключение (с. 152). Кроме того, пункт «Структура работы» (с. 14) не должен сводиться к механическому воспроизведению названий глав и прочих основных разделов работы.

Ну будучи носителем английского языка, автор отзыва не берет на себя смелость оценивать качество и стиль английского варианта работы и может лишь констатировать, что соискательница способна достаточно ясно излагать

свои мысли по-английски. Впрочем, нельзя пройти мимо того, что в ряде случаев речь идет не о переводе, а о достаточно вольном переложении, например, в случаях с разделами 2.3.1 (ср. с. 84–86 и р. 249–250) 2.7 (ср. с. 105–122 и р. 269–275), где даже ход изложения материала в англоязычной версии оказывается иным и лишь основным выводы теми же. Сейчас в СПбГУ проходят первые защиты в соответствии с *Новым порядком* и в дальнейшем стоит подробнее оговорить, какие вольности при переводе диссертации на английский допустимы, а какие – нет.

Подчас складывает впечатление, что, по крайней мере, некоторые части работы переводились с английского на русский. Так, на с. 73 «вместо of» явно восходит к “instead of”, а на с. 42 в колоритнейшей характеристике евреев-коммунистов князем Сергеем Волконским, в представлении которого это были «какие-то с цепи сорвавшиеся, рычащие, трясущиеся со злобы», опущено ключевое слово «псы (или собаки)», которое есть в английском переводе: “They are like dogs broke off the chain, roaring and shaking with anger” (р. 217).

Странной выглядит транскрипция фамилии «Диманштейн» как Dimanshtein (р. 211, 212, etc.), а не Dimanstein, наряду с нормальной передачей «Эпштейн» через Epstein (р. 214, etc.).

В заключении с чувством глубокого удовлетворения от прочитанной работы автор отзыва констатирует, что диссертация Ямпольской Софьи Борисовны на тему «Особенности развития европейского иврита в XIX – начале XX в.: лексические заимствования и система обращений» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», и что соискательница, Ямпольская Софья Борисовна, заслуживает присуждения ученой степени кандидата

филологических наук по специальности 10.02.22 «Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки,aborigenov Америки и Австралии (иврит)».

Член диссертационного совета,

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры семитологии и гебраистики восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета;

заведующий отделом Ближнего и Среднего Востока Института восточных рукописей РАН

ФРАНЦУЗОВ Сергей Алексеевич

почтовый адрес: 191186 Санкт-Петербург,

Дворцовая наб., д. 18, ИВР РАН;

мобильный телефон: +7-932-549-52-03;

электронный адрес: serge.frantsouzoff@yahoo.fr

«09» января 2017 г.